

ИСТОРИЯ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Б.Клейман

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ...

(М.Ф.Болтенко и раскопки в Аккермане в 1912 г.)

I.B. Klejman. At the Dawn of Glorious Deeds... (M.F. Boltenko and the First Excavations in Akkerman).

An outstanding archaeologist and linguist Mikhail Fjodorovich Boltenko (1888-1959 ää.) is known for his researches of Bronze Age and Classical sites in the North-West Pontus Region and comments to Herodotus. In 1912 M.F. Boltenko worked under E.R. Stern's leadership on excavations in Tyra. The goal of these excavations was to keep searching for a Classical Ancient layer, undisturbed by intrusions, and covered by layers of subsequent periods. The goal was reached only in one of the three soundings dug on the territory of Belgorod-Dnestrovsk (Akkerman) castle, the one in the north-eastern part of the second yard, by the Eastern wall of the citadel ("Genoa castle"). Having got over the layers of Turkish, Moldavian and Golden Horde epochs, they managed to discover several horizons of Tyra layers containing debris, in the upper layer accompanied by pottery and coins of the Roman time, and close to the mainland – exclusively of the classical and Hellenistic periods. Consequently, M.F. Boltenko's diary and E.R. Stern's article leave no doubt about the reliability of conclusions on the place of Tyra's first settlers.

Выдающийся археолог и лингвист Михаил Фёдорович Болтенко (1888-1959 гг.) известен своим открытием и многолетними исследованиями археологических памятников — поселений и могильников эпохи ранней бронзы (начала III тысячелетия до н.э.) на окраине Одессы, в районе сёл Усатово-Большой Куяльник, получивших наименование памятников Усатовской культуры (1921 г.) (Болтенко 1925: 5-20; Болтенко 1957: 24-30). Вслед за Э.Р.Штерном он вёл раскопки самого раннего древнегреческого поселения на Северо-Западном Причерноморье — на острове Березань (1924-1931, 1946-1951) (Болтенко 1930: 35-39; Болтенко 1946: 31-39; Болтенко 1960: 38-46). Он также известен своими комментариями к сочинению «отца истории» Геродота (Болтенко 1959: 35-45; Болтенко 1960: 33-35; Болтенко 1962: 16-32).

Будучи учеником Э.Р.Штерна — студентом историко-филологического факультета Новороссийского (Одесского) университета, Михаил Фёдорович участвовал в его раскопках на о. Березань, а в 1912 г. под руководством своего учителя, уже окончив университет, провёл раскопки в Тире. Известно, что Э.Р.Штерн был также и главным хранителем (т.е. директором) Одесского археологического музея (тогда Музея Одесского общества истории и древностей) и Михаил Фёдорович не только имел практику раскопок античных памятников, но и прекрасно разбирался в античных и средневековых археологических материалах: керамике, монетах, металлических изделиях и др. о чём свидетельствует его авторство изданного ещё в 1908 г. «Краткого указателя Музея Одесского Общества истории и древностей» и переизданного в 1909, 1911 и 1913 гг., переработанного и расширенного в издании 1915 г. и вновь переизданного в 1916 и 1919 гг.

Раскопки в Тире были краткими: с 1 по 11 августа с двухдневным перерывом на воскресенье и праздник Преображения. В архиве Одесского археологического музея сохранился подробный «Дневник раскопок, произведенных в Аккерманской крепости в августе 1912 г. проф. Э.Р.Штерном», который вёл Михаил Фёдорович (Научный архив ОАМ, инв. №59258). В дневнике отмечено, что Э.Р. на выходные дни, с задержкой по нездоровью на день уезжал в Одессу, оставляя свои указания. Таким образом, фактически работой на сделанных трёх шурф-раскопах — двух на территории средневекового портового двора (1,2) и одного у юго-западной башни цитадели («генуэзского замка») — руководил и фиксировал результаты Михаил Фёдорович. Потому, судя по зрелости определенных в дневниковых записях, пониманию последовательности временных напластований городища от нового времени в верхних слоях до времени основания Тире — слоя, лежащего на материковой скале, — достоверность оценок и точность автора не вызывает сомнений. Подтверждением тому является также и содержание отчёта Э.Р.Штерна, написанного им уже в Галле (Германия), куда он переехал, опубликованного в 31 томе Записок ООИД (Штерн 1913: 92-101), в основном исходящего из записей дневника раскопок.

Размеры траншеи №1 при 10 рабочих не позволили углубиться до грунта (в современной терминологии — материка). Перечисляя находки в верхних слоях, автор дневника указывает на преобладание предметов турецкого времени (трубки, обломки сосудов). На глубине в 1 аршин (70 см) выявлена вымостка из плит и глыб правильной и неправильной формы. Среди находок назван металлический многогранник (в скобках указано: «для игры в кости?»), очевид-

но, античного времени, а также «три кусочка чернолаковой аттической посуды времени расцвета, ушко килика, обломки глазурованной посуды римского времени» (т.е. краснолаковой). Углубление велось в насыпной почве, «чтобы достичь цельного материка». Это была задача раскопок — поиск ненарушенного слоя, лежащего на материке. Отмечая перемешанность напластований, автор подчёркивал указания шефа: «мнение Э.Р.: На глубине 1 сажени (2,1 м) был открыт фундамент (угол) постройки, которая по находкам была датирована турецким временем, хотя были встречены фрагменты византийской посуды с вензелем Х/М подобно феодосийскому, а также веницианской стеклянной посуды». Это были уже материалы предшествующего периода. Здесь следует оговориться, что слой золотоордынского города тогда ещё не был выделен из средневековых напластований, лежащих на развалинах Тире. В шурфе №1 на глубине 1,5 сажени (3,15 м) выступила вода, и достичь уровня материка здесь не удалось. Затопленность нижних горизонтов в то время ещё не объяснялась, нам же ясно, что это результат подъёма уровня мирового океана, а также и Тираса, разлившегося в Днестровский лиман.

В шурфе №2, заложенном «ближе к лиману», повторилась ситуация первого: здесь турецкие материалы сочетались с «черепками с глазуровкой в византийском вкусе» (так определялась поливная керамика XIII — XIV вв.). Однако Тира давала о себе знать: в перемешанном слое были найдены «два чернолаковых черепка прекрасной работы» и две римские монеты императорского времени. Одновременно указывалось на находки каменных ядер, обломков посуды «изящной арабско-персидской работы с китайским влиянием». Из приведённого следует, что Михаил Фёдорович прекрасно разбирался в керамике и других материалах разных эпох. О пунктуальности его красноречиво говорит запись в дневнике: «Э.Р. 5-го числа в 2,5 часа дня, пароходом “Тургенев” отбыл в Одессу, снабдив меня необходимыми инструкциями».

7 августа, «следуя инструкции», М.Ф. приступил к раскопкам (раскоп №3) «влево от генуэзской крепости» на площади 3 кв. сажени (ок. 40 кв.м). Этот шурф скорее может быть назван раскопом. Здесь, как следует из записей в дневнике и опубликованного отчёта Э.Р.Штерна, сохранилась последовательность напластований по времени, причём в каждом периоде встречены строительные остатки, что исключает перемешанность грунтов с датирующими керамическими и монетными находками и попадание их из других мест городища в нижние слои. Это, однако, не помешало некоторым авторам, писавшим о начальной истории Тире, усомниться в наличии на раскопе №3 не потревоженного вторжениями культурного слоя Тире. Так, Т.Д.Златковская мимоходом отметила, без анализа материалов раскопок Штерна, Авакяна и

Никореску, отсутствие мест с сохранившейся последовательностью напластований (Златковская 1959: 64). Последнее положение открыло путь сомнительным предположениям о первоначальном месте античного поселения (Клейман 1990: 113-130).

Итак, в раскопе №3 на глубине 3 аршина (ок. 53 см) фиксировался слой «времени русского владычества» (осколки гранат и другие находки), далее открыта каменная кладка, пересекающая раскоп (см. схему в отчёте Э.Р.Штерна — «А»), ещё глубже на 1/2 сажени (1,05 м) обнаружена вторая кладка («В») и ряд ступенек в глыбу почвы. Здесь был открыт большой турецкий сосуд (типа пифоса), и под ним продолжалось углубление. Сопровождающие находки — обломки турецких трубок, персидско-арабской фаянсовой керамики, куски кафеля — всё указывало на турецкий слой. Глубже турецких кладок «А» и «Б» открыта новая кладка из небольших камней в насыпной почве на глубине 53 вершка (3,18 м). В другой части раскопа, под кладкой «А», резко выделялся слой почвы, дающий находки дотурецкого времени: византийскую посуду, венецианское стекло, монеты (в том числе одну римскую), обломки фарфора. Из более древних находок — отмечает автор дневника, — кусок краснолакового блюда с кругом изобразительных листьев. Последняя находка указывает на близость античного слоя.

И действительно, в районе дальней от лимана стороны кладки «А» (к сожалению, ориентировка по компасу не была принята) под слоем, в котором отсутствовали турецкие изделия, но присутствовали средневековые, «на глубине 59 вершков (3,54 м) от поверхности обнаружен слой светлого песка, в котором попадались исключительно античные вещи: римский красный лак во всех видах, куски простой тёмной посуды, амфор... очень много черепицы двух сортов: красной и жёлтой, кусок верхней части амфоры с ободком красной краской, как в милетских больших амфорах». Интересно, — восклицает автор, — что греческие черепки в самом нижнем слое встречаются исключительно без соседства римских! Далее перечисляются находки из этого слоя: «большое число чернолаковых обломков, три фрагмента мегарок, два обломка чернофигурной расписной керамики V в. до н.э. островного типа, очень хороший фрагмент ионийского сосуда того же времени. На глубине 89 вершков (5,34 м) обнаружена каменная вымостка. Большая глубина затрудняла дальнейшие работы, а малая цель — «обнаружение цельного несмешанного слоя, сперва римско-греческого, а затем и чисто Эллинского с вещами V в. до н.э. заставили Э.Р. прекратить копание в этом месте». В другом месте того же раскопа «влево от кладки «В» и ближе к генуэзской цитадели также удалось дойти до слоя светлого песка (как у стены «А»), который лежит здесь ниже». «Зато тут в полной уверенности можно сказать,

что дошли до скалы и на этой скале, на глубине 107 вершков (6,42 м) от поверхности теперешнего внутреннего двора Аккерманской крепости обнаружена замечательно правильная кладка из тщательно обтёсанных камней в 3 ряда, высота которых от материка 30 вершков (1,8 м), каждый ряд 4,5 вершка (27 см)», далее указывается на находки 3-х «очень поржавленных римских монет». У Э.Р.Штерна последний абзац материалов кладки явно до-римского периода изложен точнее, так как монеты, вероятно после чистки, дали датированный материал по слоям. В верхнем слое над кладкой найдена монета римского времени, ниже — Тиры эллинистического, а у основания — так называемое «колёсико», которое в настоящее время считается монетой Истрии и датируется V — первой половиной IV в. до н.э.

Подводя итоги в публикации отчёта «Раскопки в Аккермане летом 1912 г.», Эрнст Романович писал: «можно считать, что во внутреннем дворе Аккерманской крепости имеются ещё места, где естественное залегание культурных периодов не нарушено и где на глубине двух с чем-то саженой можно рассчитывать найти на природной скале фундаменты римских, а затем и греческих построек и присутствие разных свидетелей античной культурной жизни...»

Замечания, звучащие иногда по поводу методики раскопок Э.Р.Штерна в Тире, данных им стратиграфических определений, представляются мало аргументированными. Да, раскопки из-за отсутствия средств были более чем краткими и велись на небольшой площади, но по тем задачам, которые ставили перед собой исследователи, другой метод вряд ли был необходим. Найти места с ненарушенными вторжениями напластованиями культурного слоя удалось только в 1912 г., после поисков в 1900 и 1903 гг. Знакомство с первоисточником, каким является дневник М.Ф.Болтенко, снимает сомнения некоторых авторов в том, что в нижних слоях напластований на площади, застроенной впоследствии цитаделью Аккерманской крепости — «генуэзским замком», присутствуют строительные остатки начального периода жизни античного города (Клейман 1993: 72-80) с находками

в грунтовых отложениях, датирующимися концом VI-V вв. до н.э. — временем основания города в нижних слоях и керамикой, монетами первых веков н.э. в верхних горизонтах культурного слоя Тиры. Выше лежали напластования средневекового города.

Доверие к описанию раскопок в раскопе №3 М.Ф.Болтенко и выводам Э.Р.Штерна позволило обосновать предположение о том, что первоначальная площадь Тиры включала мыс, занятый впоследствии средневековым замком и примыкающим двором крепости. Очевидно, что от времени основания античного поселения до строительства средневековой крепости рельеф мыса, образованного изгибом Тираса-Днестра, а впоследствии лимана, не мог резко измениться. Как известно, в ту эпоху бульдозеры ещё не применялись. И потому переселенцы из древнереческого Милета не могли оставить незакрытую господствующую скальную высоту, которую избрали впоследствии военные строители XIII-XIV вв. Тира начиналась именно здесь!

На этом эпизоде участие Михаила Фёдоровича Болтенко в археологических исследованиях Тиры завершилось.

Однако невозможно не упомянуть о поворотах в судьбе этого выдающегося учёного. Подробный рассказ о становлении Михаила Фёдоровича как археолога и упоминание о последующей научной деятельности его, казалось бы, предполагали безоблачную жизнь, однако уже в 30-е годы, да и в послевоенные, она сложилась не так лучезарно, а скорее трагично. Видимо, он был наиболее «подходящей» фигурой при избиении интеллигенции в годы сталинских репрессивных кампаний. Сын генерала царской армии, человек, не очень склонный к низкопоклонству, он в 1933 г. по обвинению, как было принято, в шпионаже оказался на 5 лет на лесоповале на Ангаре. Образованность, знание классических языков, античной культуры, опыт археолога — всё это для людей, заправлявших идеологическими кампаниями на местах, не имело значения. И в послевоенные годы его не оставляли в покое и «прорабатывали» за приверженность то к украинскому национализму, то к космополитизму (Петренко 1989: 41-43).

ЛИТЕРАТУРА

- Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большекуюльницкого поля культурных остатков. // ВОКК, ч.2-3.
- Болтенко М.Ф. 1930. До питання про час виникнення та назву давнішої йонійської оселі над Боресфеном. // ВОКК, ч.4-5.
- Болтенко М.Ф. 1949. Розкопки на острові Березані в 1946р. // АП УРСР т.II Київ.
- Болтенко М.Ф. 1957. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника // МАСП, вып. 1. Одесса.
- Болтенко М.Ф. 1959. HERODOTEANEA. // Праці ОДУ, т.149.
- Болтенко М.Ф. 1960. HERODOTEANEA. // МАПП, вип. 3
- Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березань. // ЗОАО, т.1/34.
- Болтенко М.Ф. 1962. HERODOTEANEA. // МАСП, вып.4.
- Златковская Т.Д. 1959. О начальном периоде истории Тиры. // СА, №2.
- Клейман И.Б. 1990. Оборонительные стены Тиры и последовательность изменения восточной и юго-восточной границы городской застройки. // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Клейман И.Б. 1993. Городская территория Тиры по данным шурфовок. // Древности Причерноморских степей. Киев.
- Научный архив ОАМ, инв.№59258.
- Петренко В.Г. 1989. Михаил Фёдорович Болтенко. // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. Одесса.
- Штерн Э.Р. 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 года. // ЗООИД, т.31.